

РОССИЙСКИЕ ДАЧИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Нефедова Т.Г., д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН

В статье анализируется роль дачного развития удаленной от городов местности и пригородов. По мнению автора, именно эти процессы могут спасти небольшие деревни. На конкретных примерах описываются состояние и перспективы дачной субурбанизации, а также взаимоотношения местного населения, местных властей и дачников, которые не всегда одинаково готовы к сотрудничеству друг с другом. Автор отмечает, что рассматривать современную сельскую местность без новых собственников-дачников было бы не правомерно, так как они активно участвуют в ее жизни и развитии.

В России масштабы переезда горожан в сельскую местность часто переоценивают, указывая на обилие «новорусских замков» вокруг крупнейших городов. Отчасти это отражает первые ростки субурбанизации, хотя их владельцы, как правило, зарегистрированы в городских квартирах. Крупные города по-прежнему остаются привлекательнее сельской местности, а пригороды все еще притягивают сельское население с периферии. Судя по всему, урбанизация в России не завершена [Нефедова, Трейвиш, 2002, Махрова и др., 2008]. Другое дело — массовая сезонная деконцентрация горожан, две трети которых имеют за городом нечто, собирательно называемое дачей. Дача как временное, сезонное второе жилище, если не уникальна для России, то в ней она достигла наибольшего распространения.

Определимся — *кто такие дачники*. Это горожане, прописанные в городе, но имеющие собственность (землю, дом) в сельской местности и проводящие там какое-то время (от недели до целого года). Дача — понятие обобщающее. Типы «усадеб» и образа жизни в них сильно варьируют. Можно выделить несколько основных типов дач:

Собственно дачи — самый старый тип, характерный еще для столичных пригородов царской России. В советский период они долго оставались привилегией партийно-хозяйственной и интеллектуальной элиты, причем аграрное использование немалых участков не было особенно интенсивным. Преобладают деревянные дачи, хотя многие из них реконструированы, утеплены и используются не только в летнее, но и в зимнее время, но все же периодически. Хотя есть пенсионеры, которые сдают квартиру в крупном городе и живут на даче круглый год. Это уже ростки субурбанизации, причем не богатых, а прослойки бедных и среднего класса.

В последние годы старые дачи вблизи крупнейших городов, особенно Москвы и Санкт-Петербурга, все больше вытесняются *коттеджами*, или «новорусскими виллами», массово распространившимися в России лишь

в 1990-х гг. Те коттеджи, что появляются в старых дачных поселках, на их окраинах или окаймляют заброшенные сельскохозяйственные поля в пригородах, чаще всего, по нашим периодическим наблюдениям, используются почти так же, как и классические дачи. Это скорее выплеск капиталов из крупнейших городов, а не реальное разрастание города. Однако новые благоустроенные коттеджные поселки эконом- и, особенно, бизнес-класса, появившиеся в 2000-х гг., в основном недалеко от крупнейших городов, представляют собой начало реальной субурбанизации. Например, в Московской области их число превысило 700. Москвичи, даже сохраняющие городскую прописку, около 20% подмосковных коттеджей, по оценкам экспертов, используют для постоянного проживания [Махрова и др., 2008, с. 95]. При этом необходимо учитывать, что на москвичей приходится лишь половина сделок на рынке подмосковной загородной недвижимости, еще 10% — на жителей городов Подмосковья. В остальной части сделок участвуют мигранты из других регионов России, значительный приток которых в Подмосковье отражает скорее центростремительные, чем центробежные потоки. Главным ограничителем субурбанизации служит недостаточное развитие инфраструктуры и сферы услуг, сильно запаздывающих за строительством коттеджей. Поэтому реальная субурбанизация больше характерна для закрытых и лучше благоустроенных поселений бизнес-класса.

Сады и огороды — самый массовый тип аграрного и агро-рекреационного дачного времяпровождения горожан, распространившийся после войны. В 1950 г. в садоводческих кооперативах числилось 40 тыс. членов, а к 1990 г. садовые участки имели 8,5 млн семей, огородные — 5 млн. Теперь «садоводов» — 14 млн семей, а число огородов, увеличившееся в начале 1990-х гг., сокращается. Длительные ограничения при строительстве, бедность населения и временность жилья способствовали тому, что вокруг городов возникли широкие пояса полутрущобных поселений, по площади превышающие не только сельские поселения, но и некоторые города. Правда, в последние десятилетия внешний вид этих домов облагораживается.

Покупка (наследование) сельских домов получила распространение примерно с 1970-х гг. Но только в 1989 г. горожанам было разрешено официально покупать дома, а затем и землю в сельской местности. В последние годы появилась еще одна разновидность жилья горожан в деревне, которую условно можно назвать «помесье». Дополнительно к небольшому приусадебному участку, находящемуся, как правило, в собственности хозяев, арендуется довольно обширная территория из земель администрации или колхоза. Помесье есть и в пригородах, но там они доступны лишь супербогатым. А в глубинке вполне можно к своему участку «прирезать» кусок земли с хорошим видом, договорившись с местной администрацией.

В целом *дача, как собирательное понятие*, не есть продукт какой-то особой русской ментальности. Это результат вписывания естественной для всех народов тяги к совмещению достоинств городской и сельской жизни в конкретные исторические и географические условия страны.

РУРАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ?

Для России 1990-х гг. были характерны два разнонаправленных процесса: с одной стороны, глобализация общества и первые шаги постиндустриального развития именно в пригородах, а с другой — рурализация занятий городского населения, в наибольшей степени характерная для такой сферы деятельности, как садоводство и огородничество в пригородах всех больших городов. В 2000-х гг. тяга горожан к сельскому хозяйству ослабла, но до сих пор их вклад в агропроизводство России неоправданно велик. На своем небольшом участке средний горожанин производит, конечно, намного меньше среднего сельского жителя. Но ведь горожан в России в три раза больше, а две трети из них имеют тот или иной тип дачи. Многие горожане, особенно принадлежащие к среднему и старшему поколениям, душой погружены в сельские заботы и предаются им со страстью и неважно, расположен участок рядом с городским домом или же за сотни километров от него.

Можно выделить несколько причин тяги горожан к своему сельскому хозяйству. Первая причина — экономическая: постоянный дефицит продуктов в прошлом и денег сегодня. Вторая причина — быстрая и недавняя урбанизация. В России мало горожан, которые являлись бы горожанами не в одном поколении, множество людей сохранило родственников в деревне, включая престарелых родителей, которых они регулярно навещают, наследуют сельские дома и зачастую «замещают» их на огороде. Третья причина — социально-экологическая: бегство на дачу и временная перемена занятий для многих горожан становятся отдушиной. Не является секретом и тот факт, что эту деятельность горожане ведут и тогда, когда ее экономическая целесообразность сомнительна, то есть по инерции, а точнее — по традиции, переплавленной во внутреннюю потребность.

И все же в последние годы наметился явный отход от сельскохозяйственной деятельности на даче, причем в самых разных слоях общества. При продолжающемся расширении спроса на дачи и их территориальной экспансии это говорит о процессах постиндустриального развития сельской местности. Особенно при заметном свертывании аграрной деятельности крупных предприятий как в пригородах, так и на периферии, в большей степени в нечерноземных регионах. Рассмотрим это на конкретных примерах. Разделим российские дачи на три типа:

- 1) *дачи ближние*, расположенные в основном в пригородах. Для большинства регионов это территории в пределах ближайших к крупнейшим городам административных районов или в пределах агломераций (например, московский пригород — это почти вся Московская область);
- 2) *дачи среднеудаленные*. Для Москвы — это дачи, расположенные в соседних с Московской областях;
- 3) *дачи дальние*, на которые невозможно ездить в режиме двух выходных дней.

Граница между типами размыта, расстояния не фиксированы, но их функции, социальный состав и роль горожан в сельской местности различаются.

БЛИЖНИЕ ДАЧИ

Наивысших показателей плотность дачников достигает, конечно, в пригородах, где главное достоинство дачи — возможность отдыха в выходные дни или даже ежедневные маятниковые миграции. Например, в Московской области экспансия москвичей в сельскую местность очень велика. По данным земельной статистики, москвичам в середине 2000-х гг. принадлежало 3/4 всех земель области под классическими дачами, 60% садовых участков, четверть объектов индивидуального жилищного строительства и даже каждый пятый участок личного подсобного хозяйства [Махрова и др., 2008, с. 66]. Всего — 36% земельных владений. Немного меньше — владения жителей 80-ти городов Подмосковья. Фактически идет вытеснение землепользования сельского населения и сельского образа жизни как такового, при том что плотность сельского населения на фоне других регионов России в Московской области очень велика (от 60–70 человек на кв. км в ближайших к Москве районах до 10–20 — на окраинах).

Востребованность пригородной земли горожанами, строительными и торговыми фирмами и ее дороговизна вступают в противоречие с развитием сельского хозяйства области, земельные паи и акции которых активно скупаются сторонними структурами. При этом в Подмосковье по-прежнему концентрируются одни из самых крупных и успешных сельскохозяйственных предприятий России. Более 2/3 объема животноводческой продукции области, идущей на московские пищевые гиганты, снабжающие всю страну, производятся в муниципальных районах — соседях Москвы второго и третьего порядка, где наиболее заметно расширение землепользования горожан. С их точки зрения, столь крупные агропредприятия и животноводческие комплексы вблизи столицы не нужны. Но специфика России такова, что из-за сильной депопуляции населения в соседних областях Нечерноземья крупные и относительно успешные сельскохозяйственные предприятия сохраняются, главным образом, в небольших по площади пригородах соседних областей и в Московской области [Июффе, Нефедова 2001; Махрова и др., 2008].

В целом положение дач в Подмосковье, хотя и удобно по критерию удаленности от МКАД, становится все более неудобным по целому ряду других факторов, включая факторы застроенности и доступности (из-за постоянных пробок на дорогах). Также важны теснота землепользования и социальное смешение в старых дачных и садовых поселениях, земли под которые когда-то выдавались ведомствами родителей, дедушек и бабушек современных владельцев. Многократные продажи-покупки старых пригородных дачных владений усиливали социальные контрасты и соседские конфликты. При небольших участках в ряде мест это вызывает эффект перенаселенности, когда дачник в городской квартире чувствует себя более изолированным от окружающей обстановки, чем на даче. Происходят и вытеснение рядовых дачников, садоводов из самых живописных и удобных для строительства мест, вырубка лесов и сокращение природных ландшафтов, огораживание земель, прилегающих к коттеджным поселкам, лишаящее доступа к остаткам полудикой природы.

Садово-дачные и коттеджные поселения, хотя и не имеют своего поселенческого статуса, занимают в Подмосковье большие территории. Например, на стыке Пушкинского и Щелковского районов между городами Королев,

Пушкино, Ивантеевка и Щелково они формируют огромные сплошные массивы, псевдогорода, по площади куда большие, чем ближайшие к ним города областного подчинения. Подобные массивы типичны и для восточного Подмосковья вдоль дорог. А в западном они мельче и разрозненнее, чаще примыкают к населенным пунктам или окружены лесами, что делает эти территории более привлекательными для горожан, а землю — более дорогой. Несмотря на рассеянность, общая площадь рекреационных поселений больше все-таки в западном секторе. Распределение разных видов мелкого частного землепользования по зонам удаленности также отличается. Дачи и «индивидуальное жилищное строительство» больше всего тяготеют к Москве. Три четверти садоводческих поселков находятся в более удаленных районах Московской области.

В пригородах происходит явное привнесение в сельскую местность городских образцов, включая внешний вид и обустройство домов, разведение газонов и цветов на участках вместо картошки, и в целом городского образа жизни. Сами дачники, как правило, отгорожены от сельского населения и физически (высокими заборами), и психологически (практически не общаются с местными жителями). Для строительных и ремонтных работ приглашаются гастарбайтеры или бригады из Москвы и ближайших городов. Практически нет контактов и с местными властями (разве что у руководителей дачных кооперативов), которые считают, что от такой концентрации горожан они имеют лишь дополнительные хлопоты (уборка мусора, ремонт дорог и т. п.). Тем не менее экономический вклад дачников все же ощущается если и не в налоговых поступлениях местных бюджетов из-за низких налогов на недвижимость, то в бурном росте торговли продуктами и стройматериалами, причем не только в ближайших подмосковных городах, но и на основных трассах [Махрова и др., 2008, с. 194].

ДАЧИ МОСКВИЧЕЙ В СОСЕДНИХ ОБЛАСТЯХ

Стоит пересечь границу Московской области, и плотность постоянного сельского населения резко падает в 2–4 раза, за исключением тверского и рязанского пригородов, примыкающих в Московской области. Но благодаря дачникам в летний сезон плотность населения увеличивается в те же 2–4 раза.

Например, Петушинский район Владимирской области начинается на расстоянии 95 км от Москвы, откуда до Владимира остается примерно столько же. Он даже считает себя пристольичным, хотя и подчиняется Владимиру. В 2000-х гг. здесь действовал договор с ГУП Москвы: район предоставлял землю и коммуникации для садовых участков москвичей, а Москва — различную технику: мусоровозы, автобусы, машины скорой помощи. Всего в районе 139 садоводческих товариществ (около 30 тысяч участков) при 150 сельских населенных пунктах. В местных деревнях тоже много дачников, а в 12 — только дачники, причем московские и подмосковные (владимирские сюда не добираются). Возникают проблемы с обслуживанием дачников. Власти района считают, что от «десанта» горожан он должен получать больше в виде налога на землю и экологического налога. Недовольны и местные жители: растут цены на продукты (из-за спроса «богатых» москвичей) и тонны мусора вокруг летних поселений. Расхожее слово «понаехали» имеет тут сов-

сем иной смысл, чем в столице. Поэтому местные власти стали придерживать землю, а среди дачников цена на нее растет.

Переславский район на юге Ярославской области также давно стал дачной зоной Москвы. Обследование его постоянного и временного населения в начале 2000 гг. выявило разный состав дачников в зависимости от удаленности от районного центра. Например, в администрации, прилегающей к Переславлю-Залесскому (150 км от Москвы), из 1600 домовладельцев местных было только 363, то есть около 1/5. Еще около 80 домов купили недавние переселенцы. Среди остальных 70% домовладельцев половина — московские и подмосковные дачники-горожане, другая половина — имеющие прописку в г. Переславлe и получившие сельский дом по наследству. В администрации, находящейся на порядочном расстоянии от райцентра в западной части района, влияние Переславля почти не сказывается, а москвичей и «подмосковичей» в сумме столько же, сколько и местных жителей.

Общение дачников с местными жителями здесь более тесное, чем вблизи Москвы, но по мере увеличения числа дачников и уменьшения численности сельских жителей они зачастую портятся. Дачники появились в окрестных областях в 1970–80-х гг., передавая эстафету своим знакомым. Но за 40 лет поколения сменились, дачное сообщество все больше разбавляется случайными людьми. При расширении спроса на среднеудаленные дачи и росте цен на землю нередки и соседские конфликты. По мере увеличения числа дачников первоначальный баланс интересов и отношений двух сообществ постепенно разрушался. Поначалу местные охотно подрабатывали у дачников, теперь старые работники умерли, и поставить забор некому. Как правило, остаются один-два малописьющих трудоспособных работника, которые у дачников нарасхват. Для ремонта, не говоря уже о строительстве, все чаще приглашают гастарбайтеров. Прежний натуральный обмен (горожане — дефицитные продукты из Москвы, местные — картошечка и молочко) нарушен. Все только за деньги и по немалым ценам. Былая помощь дачникам через стадию взаимодополнения переходит к стадии разделения двух сообществ с последующим отторжением горожан местными жителями и паразитировании на них.

Районное начальство также не приветствует приток горожан: якобы те разлагают местных тем, что не работают, задают высокий уровень цен. Однако у локальных сельских администраций подход к дачникам поначалу был вполне разумен. Прежде они охотно предоставляли им землю в деревнях, так как дачники ремонтируют разрушающиеся дома, помогают в обустройстве деревень (колодцы, дороги и пр.), обеспечивают спрос в местных магазинах. Однако, чем ближе к Москве, тем меньше остается земли и домов в относительно доступных местах, цены на них быстро растут, хотя из сельскохозяйственных предприятий живы единицы, и поля в основном заброшены. Но спрос на землю предъявляют логистические центры на подступах к Московской области, сюда в 1990–2000 гг. шли инвестиции (и от Москвы недалеко, и налоги гораздо ниже). Поэтому местная администрация также начала придерживать земли в надежде на повышающийся спрос.

ДАЛЬНИЕ ДАЧИ

Дачные зоны Москвы и Санкт-Петербурга не только сомкнулись, но и пересеклись на юге Псковской и Новгородской областей, захватив и соседние. Например, в 400 км от Москвы в Валдайском районе Новгородской области в летний период население увеличивается в 3 с лишним раза, причем к юго-востоку от озера Валдай преобладают москвичи, а к северо-западу — петербуржцы. В умирающих, согласно официальной статистике, деревнях, где числятся единицы постоянных жителей, возникают целые улицы новеньких деревянных домов [Нефедова, Пэллот, 2006, с. 74–79].

Рассмотрим один из примеров наиболее дальних дач на периферии Костромской области в 600 км к северо-востоку от Москвы и в 230 км от Костромы между небольшими райцентрами Мантурово и Макарьев. Местное население бежало оттуда весь XX век и продолжает убывать, осталось всего 14% от уровня 1926 г. Такая сильная депопуляция сопровождалась отрицательным социальным отбором: большая часть тех, кто хотел чего-то достигнуть в жизни, уехали. Сельскохозяйственный кооператив в кризисе. Работы, кроме как в бюджетной сфере, нет. Площади обрабатываемых земель уменьшились в 10 раз, большая часть сельскохозяйственных земель (около 2000 га) представляет собой залежи и зарастает сорными травами и лесом. Пока они никем не востребованы, чего нельзя сказать о домах и приусадебных участках в деревнях.

Во всех живых деревнях есть дачники. Чем меньше местных жителей в деревне, тем больше доля домов, купленных горожанами. В центре поселения, расположенном на высоком живописном берегу реки Унжа и имеющем 220 жителей, доля дачников среди собственников и арендаторов земельных участков составляет уже 30%, в деревнях с 30–40 местными жителями — около 40%. В умирающих малых деревнях, где осталось менее 10 постоянных жителей, от 70 до 90% домов куплено горожанами. Есть опустевшие деревни. Там тоже прежде были дачники. Но когда не осталось местных жителей, дома зимой начали полностью разорять и разбирать по частям. *Жизнь дачников без местных жителей в таких удаленных местах невозможна, эти два сообщества тесно связаны и зависимы друг от друга.*

Отдельные дачники в этой глубинке появились еще в 1970–80-х гг. случайно. Дачный же бум фиксируется с середины 1990-х и в 2000-х гг. Среди приобретших здесь дома преобладают горожане среднего и старшего возраста, среднего достатка и в основном интеллектуальных профессий, что отчасти связано с их вкусами, а также с относительно свободным трудовым режимом, позволяющим приезжать на дальнюю дачу 1–2 раза в год на срок от недели до нескольких месяцев. Дорога на машине от Москвы занимает 8–9 часов, поездом — ночь.

Поначалу было характерно формирование профессиональных кластеров: деревни ученых, деревни художников, деревни журналистов, деревни учителей и т. п. Впоследствии узкая профессиональная принадлежность стала размываться.

Проведенные опросы показали, что около 85% дачников (даже при таком удалении от Москвы) — москвичи. Есть несколько петербуржцев и костромичей (в основном наследники домов). Многие молодые и средневозрастные жители местного районного центра Мантурово приезжают к своим родителям в выходные и в отпуск (3/4 местных жителей имеют детей в городах). Они

привозят на лето бабушкам маленьких детей и тоже, по существу, являются дачниками. Однако после смерти родителей жители Мантурово обычно продают дом в деревне москвичам, так как живут почти в таком же деревянном доме в городе.

Московские дачники в этом месте не строят новые дома, а покупают относительно крепкие деревенские, которые по архитектуре относятся к типу домов Русского Севера — на высоких подклетьях со скотным (ныне пустующим) двором внизу и огромным сеновалом наверху под одной крышей с жилой частью, с двумя печами (русской и голландской). Их средняя общая площадь 100–150 кв. м. Отличить дачу от дома местного жителя можно разве что по огородам. Дачники, как правило, сельским хозяйством не занимаются, кроме кошения травы и посадки декоративных растений. Зато собирают и заготавливают грибы и ягоды, ловят рыбу в реке. Многие продолжают в деревне заниматься своим профессиональным делом, много читают. Но любимое занятие — благоустройство деревенского дома внутри при сохранении почти неизменного внешнего вида. Поэтому деревни даже при смене населения имеют традиционный облик.

Интересно, что каждый пятый из опрошенных дачников в этих удаленных местах имеет дачу и в Подмоскowie. Но ближняя дача из-за сжатия природных ландшафтов, их огораживания, обилия машин теряет свою функцию загородного жилья на природе. По существу, она превращается в своеобразное «гетто» за высоким забором в отличие от дальней дачи, где вид горизонта из окна дома, тишина и отсутствие людей — обычное явление.

Опросы местного населения с большой выборкой (18% домохозяйств) и дачников, проведенные в 2008 г. [Нефедова, 2008], показали, что отношение к московским дачникам у местного населения в основном положительное. Главным достоинством пришлых горожан они считают то, что те поддерживают и облагораживают дома, тем самым сохраняя деревни. Каждый четвертый опрошенный ценит общение с приезжими — «приятные люди, стало веселее». Для каждого десятого важно, что дачники сами или с помощью местных косят траву, которая без ухода вырастает в рост человека, увеличивая пожароопасность. Однако взаимоотношения дачников с местным сообществом зависят от размера деревни. Если в ней остались только бабушки, то они, как правило, начинают опекать москвичей и сами сильно от них зависят (в т. ч. для передвижения в другие деревни, в город), так как большинство дачников приезжают на машинах. Зимой они присматривают за домами горожан. В более крупных деревнях отношения местных и дачников сложнее. О жизни дачников в городах местные жители имеют очень смутное представление и не очень этим интересуются. Зато все, что делают горожане по обустройству домов, вызывает сильный интерес и не всегда одобрение.

Дачники чувствуют себя своеобразной диаспорой и стараются поддерживать друг друга. При разреженности по разным деревням, удаленным друг от друга на 3–7 км, и долгом пребывании здесь они гораздо активнее общаются друг с другом, чем в пригородах, формируя новую социальную среду. Но они ведут иной образ жизни, и им трудно вписаться в местное сообщество, хотя есть примеры дружеских отношений и бескорыстной взаимопомощи между дачниками и местными. Чаще отдельные местные жители подрабатывают у дачников при ремонте домов. Однако найти работников не просто. При высокой безработице желающих плотничать, косить траву

и т. п. — единицы. Некоторые местные жители продают дачникам картошку, овощи. Прежде было много молока, творога. При увеличении числа дачников в летние месяцы и единичных коровах, оставшихся у местных, молока уже не хватает.

Для дачников вообще характерна более активная позиция, крайним выражением которой стала фраза одной дачницы: «Мы сами организуем здесь свою жизнь». Опросы показали, что главным фактором, раздражающим дачников (60% опрошенных), стала неразвитая инфраструктура (дороги, благоустройство улиц, включая освещение, водоснабжение, отсутствие газификации и утилизации отходов). Местные жители более привычны к отсутствию элементарного благоустройства. На втором месте у дачников оказалось недовольство властью, что перекликается с недовольством инфраструктурой, состояние которой во многом зависит от местной власти. Важно, что местных жителей, которых все устраивает, набралось почти 40%, дачники оказались куда более строптивыми. Поэтому у них обычно не складываются отношения с местными властями.

Большинство дачников ратует за сохранение природы гораздо больше местных, поскольку для них это главный ресурс. На особый вопрос в анкетах для местных жителей и дачников «Какие местные традиции сохранились?» половина сельчан затруднилась ответить или ответила, что традиций нет, зато почти все дачники указали гораздо больше традиций, которые надо сохранять. Такое различие очень важно: *сельские традиции для дачников оказались даже важнее, чем для местных*. Это противоречит одному из главных тезисов чиновников, объясняющих свою нелюбовь к дачникам тем, что они разрушают сельские традиции. В таких сильно обезлюдевших районах, помимо красоты ландшафта, тишины и покоя, именно традиции (сами избы, печи, бани, песни, остатки ремесел и т. п.) зачастую привлекают городских интеллигентов. Многие дачники пытаются создавать в своих избах мини-музеи из тех изделий деревянной бытовой культуры бывших деревенских хозяев, которые сохранились в домах. Некоторые пытаются даже заниматься традиционными ремеслами (тряпичные куклы, игрушки, плетения). При этом их устраивает типичный крестьянский быт (печное отопление, вода из колодца и т. п.), который тоже для них некоторое проявление традиции (хотя отдельные горожане делают локальный водопровод и канализацию).

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЧНОГО ОСВОЕНИЯ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

Несмотря на современный бум дачного заселения удаленной глубинки, перспективы этого процесса не ясны. Как показывают опросы, в такие районы стремится определенная прослойка интеллигенции среднего и малого достатка, чаще всего среднего и пожилого возраста. Столичная молодежь явно имеет другие ориентиры, предпочитая оставлять деньги на курортах, а с детьми — отдыхать и жить на благоустроенных подмосковных дачах. Так что смены поколений автоматически может не произойти, а возраст современных дальних дачников скоро может стать препятствием для передвижения на столь большие расстояния.

Хотя большинство дачников (72%) отметили, что к ним иногда приезжают взрослые дети, утверждать с уверенностью, что они также «прикипят» к этим

местам, как и родители, смогли лишь 7%. Еще 20% ответили уклончиво — дети, скорее всего, будут приезжать. 13% считают, что дети не будут приезжать, а около половины опрошенных не могли ответить на вопрос, подхватят ли дети их эстафету. Все зависит от того, в каком возрасте они получают в наследство эти дома, каково будет их материальное положение, какова будет ситуация в стране и в Москве. Пока очевидно лишь одно — помимо желания временно сбежать от полной стрессов жизни в огромном мегаполисе *на тяге к дачной жизни в удаленной деревне сказываются поколенческие различия. Проводить значительную часть времени в деревне на природе больше готовы дети и люди в более преклонном возрасте.*

Особая категория горожан — те, что остаются зимовать в деревне, часто сдавая в аренду свою московскую квартиру. На все поселение при большом количестве дачников таких примеров пока единицы. Их опыт показал, что даже в таком случае *вписаться горожанину в местное сообщество очень трудно.* Активная позиция москвичей встречает глухое сопротивление местных жителей, даже если человек пытается работать в школе или заниматься сельским хозяйством. Точно так же с глухим саботажем встречаются инициативы горожан по улучшению жизни, если они нарушают привычные устои. Тем не менее таких людей уже не назовешь дачниками. Вместе с жителями города Мантурово, приезжающими в деревню к родителям и работающим на огороде, они составляют некую переходную сельско-городскую группу.

Районные, региональные и тем более федеральные власти, несмотря на уже значительный срок дачного заселения нечерноземной глубинки, не готовы к этой инновации. Их мышление очень консервативно. Местные власти по-прежнему надеются на то, что федеральные власти «одумаются» или придет чудо-бизнес и будет восстанавливать землеемкое сельское хозяйство. Областные и районные власти сезонное летнее население не воспринимают как свое и не заинтересованы в сохранении постоянной инфраструктуры ради него, да они и не имеют на это средств. В результате дачного заселения стабильной сети услуг не создается.

Рычагов, которые могли бы задержать в таких удаленных деревнях или привлечь в них молодежь на постоянное жительство, не просматривается. В то же время дачное расплозание Москвы и Петербурга продолжается. Этот феномен растущей потребности в дальней даче дополнительно к ближней или взамен ее для интеллигенции среднего уровня достатка становится все очевиднее. Именно эти процессы, а не восстановление огромных площадей распашки в тайге или прочие грандиозные проекты в обезлюдивших местах, могут спасти небольшие деревни. Это должно быть важным сигналом для федеральных и региональных властей, создающих концепции и программы развития сельской местности, в которых, как правило, нет места городским дачникам как новой движущей силе деревни. Это сигнал и для местных властей, которые, в отличие от местных жителей, не радуются наплыву строптивых, образованных московских дачников, которыми очень трудно управлять, но с которыми можно плодотворно сотрудничать.

Более того, все последние действия властей по объединению сельских поселений в целях сокращения бюджетных расходов только ускоряют опустошение нечерноземной зоны. Объединение приведет к постепенному закрытию в удаленных поселениях школ, фельдшерско-акушерских пунктов, домов культуры и библиотек, то есть к свертыванию и без того еле тлеющей

социальной жизни и инфраструктуры. Например, на периферии Костромской области под давлением региональных и районных властей объединение сельских поселений в 2011 г. проводилось довольно активно. Во избежание сопротивления населения вместо сельских сходов проводились общественные слушания, на которые при слабой информированности приходило менее 10% населения, имеющего право голоса. Реализация объединения поселений увеличит расстояние между центром поселения и удаленными деревнями с современных 5–7 км до 20–25 км при отсутствии регулярного автобусного сообщения. А ведь в этих поселениях еще живут по 200–300 человек. Вся эта мизерная экономия бюджетных средств не только усилит отъезд трудоспособного населения, особенно с детьми, но и вызовет отъезд стариков к детям в города, что только ускорит опустынивание территорий и катастрофическое сжатие освоенного пространства. Как показывает уже имеющийся опыт, при уходе местных жителей в пустых удаленных деревнях не смогут жить и дачники. *Государство тем самым теряет социальный контроль над огромной территорией, что чревато непредсказуемыми последствиями.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривать современную сельскую местность, как пригородную, так и удаленную, без новых собственников-дачников уже не правомерно. Дачники не имплантируются в местную жизнь как чужеродные элементы, они активно в ней участвуют.

Вклад дачников в развитие сельской местности включает: сохранение деревень или строительство новых домов, поддержку личного хозяйства местных жителей, предложение им работы при строительстве, ремонте домов, ведении хозяйства, помощь в обустройстве и организации местной жизни, прямую финансовую и кредитную поддержку отдельных жителей, поддержку местной торговли. В удаленных районах это и восстановление домов, сбор старинной утвари, изделий местных ремесел, борьба за сохранение природных ландшафтов, создание новой социальной и интеллектуальной среды, способствующей задержанию молодого поколения, пример и помощь в организации местной жизни, занятия с сельскими детьми и т. п.

Чем ближе к Москве или другому крупному городу, тем больше сельские дома и деревни теряют свой первозданный облик из-за вкраплений и даже целых кварталов инородных домов и инородной жизни, и тем больше дачники и местные жители отгораживаются друг от друга. Но в глубинных, сильно депопулировавших деревнях дачники порой являются единственным шансом спасения от тотального сжатия освоенного пространства.

В пригородах крупнейших центров города уже сильно трансформировали деревню, причем не всегда в худшую сторону. Просто она стала другой, горожане и сельские жители, городская и сельская среда приспособились друг к другу, хотя и находятся в состоянии постоянных противоречий. Именно в пригородах можно говорить о первых признаках постиндустриального сервисного развития сельской местности при всей российской специфике: высочайшей плотности ближних дач, сохранении мощных сельскохозяйственных предприятий, восстановлении в 2000-х гг. промышленности и т. п.

В переходной зоне среднеудаленных дач при сильном дачном давлении и деградации сельской жизни деревня оказалась не готова к приему большого потока горожан даже для сезонного проживания. И хотя сельское хозяйство и промышленность здесь зачастую в большем упадке, чем в пригородах, развитие сервисных функций не стимулируется притоком дачников. Местные власти, воспитанные на идеологии индустриального промышленно-сельскохозяйственного развития села, не видят перспектив района, связанных с его дачным освоением. Исключение составляют лишь наиболее близкие к Московской области районы, давно ставшие частью этого региона.

И только в самых удаленных периферийных районах на дальних дачах можно еще говорить о дачно-сельском симбиозе, характерном для начальных этапов реосвоения сельской местности горожанами.

В целом роль дачного развития удаленной от городов местности, а не только пригородов, явно недооценивается. Массовость российской сезонной дачной субурбанизации не фиксируется статистикой, поскольку люди, как правило, не выезжают из городов на постоянное место жительства, а покупают в сельской местности дом дополнительно к городской квартире. Общее количество таких дачников, в отличие от числа участков садоводов, определить невозможно. До середины 2000-х гг. все сведения об аренде и собственности земельных участков в деревнях поступали в местные сельские администрации, и по адресам владельцев можно было на местах выявить число и долю горожан-дачников. Теперь такие сведения администрации собирать не обязаны. Районные земельные кадастровые палаты такие материалы не обобщают. Так что исследования дачного заселения возможны лишь на отдельных примерах путем утомительного обследования деревень.

ЛИТЕРАТУРА

Иоффе Г. В., Нефедова Т. Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6.

Махрова А. Г., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008.

Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. М.: МГУ, 2002.

Нефедова Т. Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна королева? М.: Новое издательство, 2006.

Нефедова Т. Г. Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / под ред. Н. Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008.